

ВСТРЕЧА

С

РЕМАРКОМ

В последние годы своей жизни Эрих Мария Ремарк, редко встречаясь с журналистами, почти ничего не публиковал в прессе. Сохранились немногочисленные записи бесед с ним. Одно из таких последних интервью писатель дал западногерманской журналистке Сибилле, корреспондентке журнала «Штерн», два года назад, накануне своего семидесятилетия. «Литературная газета» уже сообщала об этом. Мы даем сегодня более полное изложение этой беседы.

Он, несомненно, один из самых популярных писателей века, к тому же обаятельный человек. Уже давно он живет в белом, затонувшем в зелени доме под скалами Порто Ронко. Широкая крыша, сад, заросший розами. Гиды экскурсионных парковок показывают туристам на этот дом: здесь живет автор романа «На западном фронте без перемен».

Но это только в летнюю пору, после того, как стало не-

ладно с сердцем, а зиму он проводит в Риме, потому что, по его словам, тамошним воздухом легче дышать — воздухом близкого моря..

Лифт останавливается на пятом этаже. В дверях стоит Ремарк, очень прямой и стройный, только в движении особенная осторожность — из-за недавней болезни. «Салют!» — говорит он и выводит меня в сад на крыше. Внизу фрагмент Рима — от пиниевых рощ и желтых плиток виллы Медичи, серых каменных каскадов Испанской лестницы, несчетных барочных башен до куполов святого Петра и гряды Альбанских гор, нежно нарисованных на горизонте.

Среди небольших лавровых деревьев и гераней сидит Полетта; вот уже много лет она неразлучна с Ремарком. Полетта Годар — партнерша Чаплина по фильмам «Новые времена» и «Диктатор», голливудская кинозвезда тридцатых и сороковых годов, затем актриса бродвейских театров. У нее красивое лицо в обрамлении волос цвета красного дерева. Полетта надевает легкое пальто. «Оставляю вас наедине. Интервью — это разговор, при котором третий всегда лишний. Кроме того, если я уйду, Эрих сможет говорить по-немецки».

«Тогда мы с вами отведаем красного вина, — говорит Ремарк, — урожая 1957 года. Друзья прислали. Попробуйте-ка...» Такое вино в романах Ремарка не пьют. В

окопах «Западного фронта...» пьют коньяк, в «Трех товарищах» — ром, в «Триумфальной арке» — кальвадос.

Ремарк смеется: «Кальвадос я, между прочим, не выношу. Я получил: что, собственно, мог бы пить мой герой в Париже того времени? У беженца Равика было мало денег. Самым дешевым напитком был «Марк», это я хорошо помню, сам жил в Париже в предвоенные годы. Но «Марк» звучит только для французского уха. Это виноградная водка. В общем я выбрал кальвадос. Он тоже дешев, и название звучное. Яблочная водка. В Нью-Йорке в магазинах спиртных напитков я видел свою книгу среди бочонков с кальвадосом — своего рода декорация. Так нашему брату порой удается завоевать авторитет хотя бы у торговцев водкой.. Мне рассказывали, что однажды Геринг потребовал в ресторане мое любимое пфальцское вино и сказал: «Хранить его для Ремарка не стоит, он уже не вернется сюда». Официант, который часто обслуживал меня, ответил: «Очень сожалею, но господин Ремарк выпил свое вино до последней бутылки».

Эриху Мария Ремарку тогда было тридцать с небольшим. С фотографий тех дней на вас смотрит худощавый мужчина с остро очерченным лицом, густыми бровями, мужественным ртом, собранный и добрый. Он родился в Ос-

набрюке в семье переплетчика, девятнадцати лет попал в окопы первой мировой войны, еще полный грез, навеянных поэтами; затем пережил встряску возвращения на родину и решил попытаться что-то начать. Вот его попытка; учитель деревенской школы, органист, художник по эскизам надгробий, автор рекламных текстов фирмы автомобильных шин. Репортер в Берлине, наконец один из редакторов «Шпорт им билд» — светского журнала по автоспорту, туризму, теннису, гольфу. И вдруг в 1929 году беспримерная слава и беспримерная хула. Роман «На Западном фронте без перемен» приносит ему мировую известность, становится бестселлером.

Первая антивоенная книга. Вместо предисловия к ней Ремарк писал: «Эта книга — не обвинение и не исповедь. Это только попытка рассказать о поколении, которое погубила война, о тех, кто стал ее жертвой, даже если спасся от снарядов».

Он говорит: «Тем болезненнее я реагировал на утверждения критиков, будто я покинул солдата в карикатурном виде, чуть ли не обеспечил его. Чего только они не писали... Одобрительные отзывы и почти не читал, их было слишком много. А вот отрицательные не пропускал. Но не из-за них я тогда замкнулся в себе. Успех испугал меня. Я его несколько не ожидал: он обрушился на меня, как лавина. И было

у меня такое чувство: это к тебе не относится, никак не касается тебя. Даже моя книга — и та стала мне чужой».

Свой репортаж о фронтовых ужасах Эрих Мария Ремарк написал через десять лет после окончания войны. Он писал по вечерам не переводя дыхания. Через четыре недели дело было сделано. Он принес готовую рукопись в издательство «Фишер-верлаг», но всемогущий Фишер отклонил ее: ни один человек на свете больше не желает читать про войну. А в издательстве «Шерль», где Ремарк тогда работал, ему сказали: «Для перепечатки в газете или журнале роман и вовсе не подходит». Мол, не захватывает. И только когда Ульштайн купил роман и опубликовал его в газете «Фоссише пайтунг», то после третьего выпуска с продолжением весь Берлин не говорил ни о чем другом; газету вырывали из рук разносчиков, а через три месяца ее тираж поднялся до полумиллиона.

Роман «На Западном фронте без перемен» потряс весь мир.

«Происходили совершенно курьезные вещи, — вспоминает Ремарк. — Однажды приходит письмо из одной страны с просьбой написать предисловие для тамошнего издания. Не знаю, какими путями и через сколько рук попала туда моя книга. Фронт превратился в лес, солдат — в лесничего, а унтер-офицер Химмельштос — в браконье-

ра, сожительствоющего с женой лесничего».

«Нет, экземпляр этого варианта я не сохранил. Я уверен и не собираю ничего о себе. Кроме того, не люблю перечитывать свои книги. Писатель, по-моему, вообще не заканчивает книгу. В один прекрасный день он просто расстается с ней».

Речь заходит о рукописи, над которой он работает.

«Об этом не будем говорить, я старомоден — пусть все вырвется в тишине, во мраке. Сто пятьдесят страниц уже готовы. «А сколько их будет всего?» — спросил меня сегодня мой врач. Слоню он хочет знать, сколько я еще намерен прожить. Очень хочется написать пьесу. Театр волнует меня напряжением, которое на сцене совершенно обязательно».

Его пьеса «Последняя остановка», посвященная последним дням войны в Берлине, ставилась на немецких сценах и на Бродвее, но отзывы критики о ней были далеко не восторженными. Кое-кто называл ее просто «боевиком», «гвсздем сезона». Но Ремарк не обижается: пусть его романы не причислены к «самой изящной» литературе. Зато их читают. «Такого, как я, в Германии называют «писателем успеха», — говорит он улыбаясь и без тени озлобленности. — Мне всегда казалось, что если и стоит к чему-то стремиться, так это к терпимости, независимости и, как говорят американцы, к чувству юмора».

В 1939 году беженцу Ремарку удалось попасть в Америку после нескольких лет жизни в Швейцарии и во Франции. «Жить без паспорта! Вы не представляете себе, каким, я сказал бы, голым человеком чувствуешь себя. Паспорт — одна из самых успокаивающих вещей на свете. Немецкого паспорта я лишился давно. В 1932 году мне порекомендовали покинуть родину... Захватив власть, нацисты сразу же устроили в Берлине публичное сожжение моих книг, а на премьере фильма «На Западном фронте без перемен» Геббельс организовал грандиозный скандал. Вскоре после этого меня лишили гражданства. До сих пор оно не восстановлено».

Он говорит об этом без горечи. Просто констатирует. «Об этом не будем говорить, я старомоден — пусть все вырвется в тишине, во мраке. Сто пятьдесят страниц уже готовы. «А сколько их будет всего?» — спросил меня сегодня мой врач. Слоню он хочет знать, сколько я еще намерен прожить. Очень хочется написать пьесу. Театр волнует меня напряжением, которое на сцене совершенно обязательно».

Его пьеса «Последняя остановка», посвященная последним дням войны в Берлине, ставилась на немецких сценах и на Бродвее, но отзывы критики о ней были далеко не восторженными. Кое-кто называл ее просто «боевиком», «гвсздем сезона». Но Ремарк не обижается: пусть его романы не причислены к «самой изящной» литературе. Зато их читают. «Такого, как я, в Германии называют «писателем успеха», — говорит он улыбаясь и без тени озлобленности. — Мне всегда казалось, что если и стоит к чему-то стремиться, так это к терпимости, независимости и, как говорят американцы, к чувству юмора».

Множество колоколов на множестве колоколен Рима зазвонили к вечерней молитве, внизу, в ущельях улиц, засветились первые огни... Мы говорим о героинях его книг. Они выписаны с точным знанием женской души. Все

они — женщины, не связаны условностями, все они следуют чувству, всех их влечет тоска по чему-то постоянному. Они нуждаются в защите, даже если и пьют наркотики с мужчинами.

«Конечно, я пытался в своих книгах воспроизводить какие-то личные встречи. В их мененном виде, разумеется. Точные фотографии казались мне бестактными, недопустимыми».

Таинственная и отчаянная певица ночного клуба Жоа горестная и легкомысленная героиня «Триумфальной арки». В одноименном фильме роль исполняла Ингрид Бергман. Соответствовала ли она образу, созданному писателем? Ремарк лукаво улыбается. Веера морщины распускаются вокруг его светлых глаз. Сейчас ему никак не дашь семидесять

«Мида Ингрид оказалась понимаете ли, слегка тяжелой для этой роли, — говорит он. — Слишком зеленой. Но тогда она была в лихой кинозвездой, а Голливуд захотел сделать из моей книги постановочный супербоевик. Самые блистательные имена: доктор-эмигрант Равика играл са Шарль Буайе. Во всяком случае им удалось поставить «рекорд» сроков съемки — работали целых два года. И успеха не получились...»

Теперь я вижу, что с устал. Посиневшие губы Мужчины семидесяти лет, к которому нужно беречь свое здоровье.

Лит. газ. 1970, 7 июня № 41

107